

Не надо быть глубоко религиозным человеком, чтобы понять, что земля населена духами наших предков. Но надо быть большим творцом, чтобы подобно древним шаманам выходить в связь с прошлым и будущим. И в этом плане Ильяс представляется мне во всей грандиозности языческих костров, бросающим в притаивших дыхание соплеменников звездные горсти великих воспоминаний, в бешеном ритме ритуального танца, будоражащим сознание и пробуждающим в рабской плоти гордый дух и честь своего великого племени, изгоняющим из немощного тела нации комплекс неполноценности и неуверенности в себе.

Величие человеческого духа всегда подавляло серость обыденного сознания и пугало вершителей судеб подавленных масс. Невольно вспоминается тревожный декабрь восьмидесят шестого, выливший на площади с новой плеядой нации не только обостренное чувство национального достоинства, но и протест против исторического беспамьяства, осознание чести и права народа вершить свою судьбу и историю.

Почему-то самой страшной крамолы на тонущем судне тоталитаризма посчитали трилогию Ильяса Есенберлина "Кочевники", не в пример бытовавшей до сего времени литературе, высветившей поистине золотые страницы величественной истории кочевников, их государственности. И от того сама история казахов оказалась поверженным в ужас ставленникам Кремля взрывоопаснее всех существующих арсеналов мощнейшего в мире военного комплекса. На традиционную московскую книжную ярмарку, неизменным и почетным гостем которой всегда был при жизни Ильяса, казахстанская экспозиция осенью следующего года отпраздновала без его лебединой песни.

Не нами выведена формула, что творчество каждого большого писателя питает народ. Не исключение и Ильяс, только боли и сострадания к этому народу было у него поболее тех, чья дорога к признанию была вымощена беспримыслием на восхождении к славе социалистическим реализмом. А главное, его сердце не могло биться без вечно-го диалога с духами предков и совестью нации.

И народ распахивал душу его книгам, внимал им с дрожью в сердце и изумлением впервые раскрывших глаза детей. Не ради красного словца, а как итог многократно виденного могу сказать, что романы Есенберлина проторили дорогу к каждому степному аулу, где неизменно на скудной полке школьных учебников и кипы журналов красовался томик его произведений.

Помнятся слова покойной матери, большой поклонницы творчества писателя, считавшей, что годы заключения оказались неопределимыми для писателя в обдумывании сюжетов своих книг, накоплении материала. Может оно отчасти и так, но люди по разному переживают заключение и прочие удары судьбы. Чаще замыкаются в себе. Но каждый удар извне по Есенберлину будто рождал ответную реакцию. Чаще всего мы повторяем избитые слова о тернистом жизненном пути в отношении того или иного писателя. Может быть это закон творчества и одна из побудительных причин большого таланта. Но в Ильясе тернии жизни и борьба не носили внешне драматического характера, и ни в коей мере он не придавал им героического пафоса. Продолжал скромно служить своей главной цели, сохраняя истинную интеллигентность и не делая трагедии из своего призвания жить болью по утраченной памяти народа, мастерски воссоздавал ее в своих эпических по размаху, романтических по духу и пронзанных сыновней любовью полотнах.

Счастлива участь большого писателя. Если художник может остановить мгновение, то истинному романисту подвластны пласты времени, которые концентрируются в величественную панораму народной жизни во всей глубине его философии, со всеми чаяниями и устремлениями. Населяя свои книги,

Богатейшее эпическое наследие казахов, искромлетные изречения акынов древности оставили за собой зияющий провал - неестественную и от того страшную пустоту в прошлом воистину талантливого народа, которое творцы казарменного социализма обнесли стеной беспамьяства. И чтобы воспрянуть гордому духу наследников Золотой Орды нужны были скромные титаны духа, к которым мы относим незабвенного Ильяса Есенберлина, патриарха исторической памяти народа.

Поэм достойна эта незаурядная личность, взявшая на себя бремя доброго врачевателя исторической памяти народа. И как каждый истинный герой, он будет наделен недюжинной силой и умом, которых мы старались не замечать при жизни в этом скромнейшем человеке, сконцентрировавшем в себе совесть нации, титаническое упорство в раскрытии прошлого народа и не менее титаническое трудолюбие, которое больше воздуха питало его сердце.

Но пока не родилась легенда есть жесткая правда нашей действительности, где большому писателю приходилось с кровью преодолевать цензуру человеческой косности, барьеры чиновничьего мышления и рабской психологии - иначе не оборвалось бы так рано дыхание коренного степняка-аргынца, самой природой и генами предков благословенного на мудрое долголетие, а степень мудрости в моем народе опережалась не возрастом, а знанием законов жизни, в которых Ильяс был непревзойден.

Амантай АХЕТОВ, поэт, публицист

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

К 80-ЛЕТИЮ ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА

вернее воссоздавая и оживляя величественные персонажи, реанимируя гордый дух степного народа, Ильяс Есенберлин нашел собственный ключ к прочтению истории не по заданности верхов, а по долгу совести. Причем его романы не увенчаны былой славой и самолюбованием казаха, они скорее объективное отражение движения нации. Понимая бесполезность противостояния могущественному белому царю, понимая, как трудно удержать безбрежные просторы в сегодняшнем бурно растущем мире, мятежный Кенесары призывает к действию, пока казахи из львов и тигров не превратились в муравьев, червей и ящериц.

Но ни в коей мере нельзя трактовать романы Есенберлина как противопоставление степного народа остальному человечеству. Не случайно он вводит печальные нотки в предсмертном прощании хана Аблая с Бухар-жырау: "Думал я всегда, что казахи - малый народ и должны быть как волки... Но наступают новые времена, и вижу перед смертью, что не все понимал в жизни... Полвека воевал я, не давая приблизиться в своему горлу китайскому дракону. И все я делал для того, чтобы сблизиться с русскими царями..., научить моих туленгутов сеять хлеб. И крепости я разрешал строить в степи. Эти крепости, города и дороги, этот хлеб помогли нам выстоять в годы отчаяния".

Вспомнил я эти есенберлинские строки не случайно. Приобретение суверенитета и новое возрождение казахской государственности начали кружить головы отдельным национал-патриотам, связывающим демократические процессы с полной казахизацией. Не так уж велик наш народ, чтобы расправить свои крылья в изоляции, тогда как весь мир видит свое будущее в интеграции как экономики, так и культурного достояния человечества. И не лишне горе-патриотам от кизячего дымка заброшенных стойбищ еще раз обратиться к есенберлинским романам, чтобы понять какой ценой и во имя чего добывается свобода и защищается государственность.

Мне посчастливилось пообщаться при жизни с Ильясом Есенберлиным и многие его рассуждения стали для меня непререкаемым авторитетом. Всегда пбращая широтой эрудиции, он мог дать консультацию по любому вопросу, будь то историческая справка, механизмы

или диалекты речи кочевников. Как-то разговор зашел об аргынских племенах и в моей памяти остались его слова о том, что нашей родовой рекой была Аргунь, которая питает могучий Амур, а замыкала сферу влияния наших предков река Аргун на Кавказе.

Не потому ли мое сердце больно ранила война в Чечне, бомбардировки мирного Аргуна. С оценкой этой кровавой бойни я не раз выступал в печати. В конце-концов в наше время пора осознать политикам, что никакими целями нельзя оправдать военные конфликты, проливать человеческую кровь. Земля давно стала нашим единым и неделимым домом, но в нем, как в каждой нормальной семье, рождаются разные дети. Так дайте им состояться в своей личности неповторимости. А от палитры этносов, культур, мировоззрений только выигрывает, обогащается и становится краше человеческий мир, в котором каждый народ имеет право на свою историю своих великих летописцев.

Если я познавал древний Египет через романы Георгия Гулиа, историю походов Александра Македонского через книги Курция Руфа, то и мои собратья других кровей узнают историю моего народа через книги Есенберлина. Не в этом ли главное и высокое призвание писателя - не сужать, а расширять через любовь в своему народу границы его влияния на мир. Пусть опыт степных потрясений, вождей и поиски народом лучшей доли не дает нам повторять горьких ошибок. Не для этого ли посвящают свою жизнь анализу прошлого лучшие умы, не потому ли Господь Бог наделяет их даром проникновения в глубины веков.

Прекрасно воплотивший в себе этот дар, Ильяс Есенберлин, ничем внешне не выделяясь в писательской среде, можно сказать в гордом одиночестве, поднимал такие глубокие пласты исторической целины, что дали поистине добротный урожай, сослужив высокую службу пробуждению исторического сознания казахов на новой волне всплеска национального самосознания и определения своего дальнейшего исторического пути.

Несомненной заслугой Есенберлина является то, что, обращаясь к исторической тематике, он пробуждал у читателей патриотизм, верность родной земле и заветам

предков, исходящие из самой природы казахов. Показывая сложные перепетии борьбы за национальную независимость и обретение государственности, он как бы бросал вызов идеологическому давлению системы, старавшейся лишить национальные окраины советской империи своей истинной истории, придать статус отсталых в прошлом народов. Поэтому и книги его трудно и долго шли к читателю, подвергались многочисленным нападкам стражей системы. Но борьба с цензурой и травлей околелитературных критиков только закалила его творческий талант, усилила его работоспособность и остается только горько сожалеть, что он ушел из жизни в самом расцвете творческих сил.

Писатель успел оставить благодарным читателям целое собрание произведений, делающих честь не только ему самому, но и прославленному им народу. Во многих странах и континентах книги Есенберлина несли правду о казахском народе, его истории и культуре. И еще, благодаря его трудам, народу возвращены имена его блистательных героев, даже упоминание о которых в те годы было смертным грехом для литературных послушников. Своим решительным вторжением в жанр исторического романа Ильяс Есенберлин неизмеримо обогатил казахскую литературу, выводя ее на новые качественные и прогрессивные рубежи, так то в бурном становлении казахского романа XX века золотыми буквами вписано и его перо. Но в жизни он оставался простым и доступным, как и его книги.

Невысокий, неторопливый, никогда не повышающий голоса, он был из той замечательной плеяды интеллигентов советского периода, сохранивших не наигранную народность, мудрость мышления и поступков, не растерявших в борьбе за кормушку у власти благодарства души и чистоты призвания. Оставив такой глубокий след в казахском историческом романе, Ильяс Есенберлин оставался в истинном смысле труженником пера, не любящим громкой славы, далеким от самолюбования. И сегодня остается лишь сожалеть о том, как мало мы знаем его внутренний мир, и как жаль незадачных вопросов, на которые он мог дать неординарный ответ. Как не умеем мы ценить людей при жизни, как будто не ожидает нас один конец - и великих, и самых простых, к которым, как истинный сын народа, более тяготеет покойный Ильяс.

Сколько раз бывало, мчась на высоких скоростях по еще не стиснутым движениям алматинским улицам, вдруг замечаешь знакомую фигуру с неторопливой походкой. Он ходил, будто боясь растерять свои мысли или отпугнуть пришедшие из глубины веков образы, упиваясь своей слитностью с улицами и скверами, домами и

людьми, которые не всегда узнавали своего кумира. Да он и не нуждался в громогласных восторгах и излияниях, мудро рассуждая о бренности жизни и преходящей славе на примерах своих поучительных книг.

Прошлое живет в нас, и порой, на тенистой улице неподалеку от главного писательского дома столицы, невольно ищешь взглядом привычный силуэт. А улицы полны другими людьми, несущими с собой бремя своих забот и мыслей. И хочется верить, что где-то в другом измерении продолжает свои неторопливые прогулки наш уважаемый Ильяс, теперь уже действительно аксакал, все также пристально глядящая в наши лица. А дома меня радует своим юным восторгом внук Ильяс, громко заявляющий о своем существовании, и я молю ему достойной жизни.

А недавно, вернувшись с берегов Нила, отойдя от массы впечатлений, еще раз убедился в том, сколь не велик человек при жизни, остается после него не так уж много. Осела в землю мечеть султана Бейбарса, одинокой амбразурой на африканском солнцепеке смотрится могила султана Кайтбая в форту, воздвигнутом им на месте одного из семи чудес света - Александрийского маяка. Даже величественные пирамиды фараонов стоят памятниками самых бессмысленных строк тех далеких веков, поглотивших колоссальную массу человеческой энергии.

Ни великие диктаторы, ни блистательные полководцы не оставляют о себе такой благодарной памяти, как люди творчества. Их гений возводит величественные сооружения, создает божественные творения, а святое перо истинного писателя оставляет бессмертные произведения. Вот и Ильяс Есенберлин не только оставил после себя бессмертные романы, но и напугал их легендарной историей народа, оживил ее забытые страницы и пролил свет на толпы манкуртов. И тысячи-тысяч благодарных читателей открывают через него не только свое прошлое, но и заново осмысливают сегодняшний день своего народа, достойного лучшей участи на древней и исконной казахской земле, знавшей как блеск величия Золотой Орды, так и мрачные годы бесправия и угнетения.

Так какой же памяти достоин скромнейший человек, всей своей жизнью, ярким самообытым талантом и жаром своего сердца возвращавший казахскому народу историческую память, пробуждавший национальное сознание, сеявший гордость за свое прошлое и открывавший другим народам правду о своих соплеменниках. Разве что благодарные потомки создадут легенду о добром врачевателе памяти народа, хотя лучшей памятью о писателе являются его книги.